

ЗАДАЧА

В. В. ЗЕЛЕНИН

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРБИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ВОССТАНИЯ

Первое сербское восстание (1804—1813 гг.) явилось крупнейшим событием в истории освободительной борьбы сербского народа в XIX в. И несмотря на то, что это восстание в 1813 г. было подавлено, оно сыграло большую роль в борьбе сербского народа за освобождение от турецкого гнета.

Первое сербское восстание было не только национальным, но и глубоким социальным движением. Недаром К. Маркс и Ф. Энгельс называли его революцией¹. Выдающийся сербский революционер-демократ Светозар Маркович подчеркивал, что в ходе восстания «произошла не смена власти, не раздел государственных земель и вообще не какие-либо политические изменения, а глубокая общественная революция, в корне изменившая общественный строй сербов, находившихся под властью турок»².

При исследовании социально-экономической истории сербского народа всегда следует принимать во внимание особые условия, в которых жил сербский народ под игом турецких завоевателей. В условиях турецкого господства сербское крестьянство испытывало двойной гнет — социальный и национальный, который обострялся глубокими религиозными противоречиями. Серб-христианин был «райей», лишенной всех прав и какой бы то ни было защиты.

Завоеватели-турки составляли в Сербии господствующий класс. Это были феодалы (спахи и читлук-сахиби)³ и должностные лица турецкого феодального государства (паша, кадии, муселимы, начальники янычарского войска и др.). Кроме того, в городах проживало известное число турецких купцов и ремесленников. Но эта прослойка была незначительной и не играла какой-либо заметной роли в социальных и национальных столкновениях. Подавляющее же большинство угнетенного сербского народа составляло крестьянство, обремененное тяжелыми феодальными повинностями в пользу турецких феодалов и государства. В связи с этим борьба сербского народа против турецкого господства, за национальное освобождение неизбежно становилась борьбой за освобождение сербского крестьянства от гнета турецких феодалов.

Историки уже давно обратили внимание на то, что среди причин, вызвавших Первое сербское восстание, было обострение аграрных отношений в Сербии на рубеже XVIII и XIX вв.⁴ Однако эта проблема, равно как и другие вопросы социально-экономической истории Первого сербского восстания, не подверглась разработке в буржуазной историографии⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 32.

² С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 335.

³ Спахия (тур. спахи) — офицер турецкой конницы. За свою службу султану он получал в пожизненное пользование земельное владение. Читлук-сахибия — владлец поместья на правах полной собственности (читлука, или чифлика).

⁴ См. Стојан Новаковић. Турско царство пред Српски устанак. Београд, 1906, стр. I; его же. Пронијари и баштиници (спахије и читлук-сахибије).— Глас Српске краљевске академије, I. Београд, 1887, стр. 81—82 и др.

⁵ Бранислав Неделикович, правда, касается этого вопроса в своей историко-юридической работе «Историја баштинске својине у новој Србији од краја XVIII в. до 1931 г.» (Београд, 1936), но он не исследует детально борьбу сербских крестьян за разрешение аграрного вопроса.

Современные югославские историки уделяют большое внимание изучению Первого сербского восстания. Положение о том, что это восстание было по существу буржуазной, антифеодальной революцией, прочно утвердилось в югославской исторической науке. Значительная работа проделана по изучению вопросов, связанных с историей развития государства и права Сербии в годы восстания⁶. Исследователи, разрабатывающие политическую историю Первого восстания, все шире привлекают материалы по социально-экономическим отношениям в Сербии в годы восстания⁷. Однако до сих пор пока еще нет обобщающих трудов по социально-экономической истории Первого сербского восстания и почти отсутствуют работы по отдельным проблемам, в частности по аграрному вопросу. В 1954 г. в журнале «Экономист» была опубликована статья Цветко Костица «Первое сербское восстание и аграрный вопрос»⁸. Автор уделил большое внимание исследованию вопроса о характере турецкого феодализма и сравнению форм турецкого феодального землевладения с соответствующими формами землевладения на Западе и лишь весьма бегло остановился на решении собственно аграрного вопроса в ходе Первого сербского восстания. И хотя вывод Ц. Костица о том, что Первое сербское восстание решило коренной вопрос о земельной собственности в деревне, освободило крестьянина от многочисленных налогов и податей и передало землю полностью в его руки, не вызывает возражений, тем не менее в статье нет конкретного анализа той сложной борьбы, которую вело крестьянство за землю против феодалов, а также значительных остатков феодализма, сохранившихся в Сербии и после ликвидации турецкой власти.

Настоящая статья представляет собой попытку показать борьбу крестьян за разрешение аграрного вопроса во время Первого сербского восстания. Этот вопрос необходимо решать только при тщательном учете всех изменений в расстановке классовых сил в ходе восстания, которая на протяжении почти 10 лет восстания не оставалась неизменной.

* * *

К началу XIX в. в подвластной туркам Сербии резко обострились классовые и национальные противоречия. После австро-турецкой войны 1788—1791 гг. северная часть Сербии — Белградский пашалык — получила известные автономные права в области внутреннего управления, которые были зафиксированы в султанских фирманах 1793, 1794 и 1796 гг. Из Сербии были удалены янычары. Белградский наместник Хаджи Мустафа-паша в борьбе против янычар, поддерживаемых мятежным видинским пашой Османом Пазванд-оглу, опирался на сербов. Но уже в 1799 г. султанское правительство оказалось не в состоянии справиться с Пазванд-оглу. Оно вынуждено было разрешить янычарам вернуться в Сербию. Через два года предводители янычар — четверо дахийцев⁹ захватили власть в Белградском пашалыке, убили Хаджи Мустафу-пашу и установили террористический режим управления; все завоевания сербского народа были уничтожены.

В период правления Хаджи Мустафы-паши в Сербии был временно приостановлен процесс «почитлученья» земельной собственности (захват земли в полную собственность феодала), происходивший в XVIII в. и сопровождавшийся усилением феодальной зависимости сербского крестьянства от турецких феодалов — читлуксахибиев, постепенно вытеснявших прежних помещиков — спахив, владевших землей на правах военных ленников султана.

Здесь следует иметь в виду одну особенность земельных отношений в Сербии до восстания. Как правило, спахия не вел своего хозяйства, а довольствовался взиманием феодальной ренты (почти исключительно натуральной и отчасти денежной)

⁶ Драгослав Јанковић. Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955; его же. Правителствујући совјет.— «Историски гласник», 1954, № 1—2 и др.

⁷ См. Мирослав Ђорђевић. Политичка историја Србије у XIX и XX веку. Књ. I (1804—1813). Београд, 1956.

⁸ Цветко Костић. Први Српски устанак и аграрно питање.— «Економист», 1954, № 5—6, стр. 50—60.

⁹ Дахия (тур. дахи) — начальник отряда янычар.

с крестьян принадлежащего ему села. Крестьянин не был прочно прикреплен к земле и мог относительно свободно переселиться в имение другого спахии. Сербские крестьяне считали себя наследственными владельцами своих наделов — баштин, хотя по турецким правовым нормам вся земля принадлежала султану как заместнику пророка на земле. Во времена дахийев этот порядок был нарушен. Читлук-сахибии присваивали себе землю в полную собственность и, что весьма важно, в отличие от спахийев широко развивали барское хозяйство, в связи с чем среди крестьянских повинностей все большее место начинала занимать отработочная рента¹⁰.

Захватив власть в Белградском пашалыке, янычары переходили к читлукским методам ведения хозяйства, что привело к резкому усилению феодальной эксплуатации сербского крестьянства и обострению классовых противоречий между сербскими крестьянами и турецкими феодалами — в первую очередь читлук-сахибиями. Тяжелый национальный гнет способствовал обострению национальных противоречий между угнетенным сербским народом и завоевателями-турками.

Уже в 1803 г. Сербия была охвачена глухим брожением. Кровавый режим дахийев вызвал недовольство не только среди крестьянства, но и среди сербской торговой буржуазии, которая страдала от притеснений и произвола янычар. Даже известная часть спахийев, права которых узурпировали дахии, помышляла о свержении их власти. На протяжении 1803 г. в Сербии велась подготовка к восстанию: устанавливались связи, собиралось оружие, закупались боеприпасы и т. д. Вскоре об этом стало известно дахиям, которые решили кровавыми мерами подавить сопротивление сербского народа. В январе 1804 г. дахии устроили резню, в результате чего погибло свыше 70 видных сербов — кнезов и обер-кнезов, купцов, священников и других лиц, которых дахии считали для себя опасными. Этой резней, вошедшей в историю под названием «сечи кнезов», дахии намеревались запугать сербский народ и в зародыше пресечь всякую подготовку к восстанию. Но в ответ на совершенное дахиями злодеяние в Сербии вспыхнуло вооруженное восстание, быстро охватившее всю страну.

Восстание произошло одновременно в ряде районов Сербии (в Шумадии, в Рудникской, Валевакской и Пожаревацкой нахиях), и в самом начале связь между отдельными отрядами повстанцев была очень слабой. Но уже в феврале 1804 г. на скупщине (собрании) повстанцев в Орашце верховным вождем был избран руководитель восстания в Шумадии Георгий Петрович, по прозвищу Черный (Карагеоргий), — бывший гайдук, участник австро-турецкой войны 1788—1791 гг., живший в деревне Топола и занимавшийся сельским хозяйством и торговлей свиньями.

За короткий срок повстанческое войско превратилось в грозную силу. Размах восстания напугал дахийев. Они предприняли ряд попыток договориться с повстанцами. Однако сербы не верили их голословным обещаниям и требовали удаления янычар из Сербии и восстановления автономных прав сербского народа. При этом повстанцы подчеркивали, что они восстали не против власти султана, а против янычар-дахийев, узурпировавших власть в Белградском пашалыке¹¹. Правительство Селима III, находившееся в это время в остром конфликте с янычарами, положительно восприняло весть о восстании в Сербии, надеясь использовать его в борьбе против янычар. Летом 1804 г. султан направил в Сербию боснийского визиря Бекира-пашу с заданием добиться умиротворения Сербии. Миссия Бекира не привела к желаемым результатам: сербские повстанцы отказались сложить оружие и удовлетвориться одними словесными обещаниями. Они требовали, чтобы статус Сербии был гарантирован какой-либо иностранной державой, на что Бекир не мог согласиться. И хотя дахии были уничтожены¹², но белградская крепость, бывшая

¹⁰ Об этом подробно см.: И. С. Достян. Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VI. М., 1952.

¹¹ Н. Попов. Россия и Сербия, т. 1, М., 1869, стр. 17—23.

¹² Во время переговоров повстанцев с Бекиром-пашой дахии бежали из Белграда по Дунаю в Адакале. По указанию Бекира они были там настигнуты и убиты сербским воеводой Миленко Стойковичем.

оверным пунктом турецкого господства в Сербии, по-прежнему оставалась в руках мятежных янычар и кярджалиев под начальством Гушанаца-Али. Поэтому повстанцы не желали складывать оружие. Не выполнив своей миссии, Бекир-паша осенью 1804 г. вернулся в Боснию.

В результате первого года восстания в руках сербских повстанцев оказалась вся Сербия, за исключением некоторых крепостей¹³.

В своей борьбе сербские повстанцы стремились заручиться поддержкой иностранных держав. Обращение к соседней Австрии принесло им разочарование: австрийское правительство отказало повстанцам в помощи. В мае 1804 г. восставшие направили письмо русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому, а в сентябре того же года послали в Петербург свою депутацию. Россия оказала сербским повстанцам денежную и моральную помощь¹⁴. В частности, сербам было рекомендовано обратиться с прошением к султану и обещано поддержать повстанцев дипломатическим путем. Такое прошение было принято на скупщине в Печанах в апреле 1805 г. и послано с депутацией в Константинополь.

Видя, что восстание в Сербии принимает все более грозные размеры, султанское правительство решило подавить его вооруженной силой. Намеренно затягивая переговоры с сербской депутацией, турецкое правительство поручило нишскому паше Хафизу расправиться с восставшим сербским народом. Но в битве при Иванковаце 6 августа 1805 г. сербские повстанцы наголову разбили войска Хафиза.

Несмотря на победу при Иванковаце, сербские повстанцы продолжали заверять Порту в своей верности султану и стремились дипломатическим путем добиться благоприятного решения вопроса о статусе Сербии.

Как известно, в 1806 г. наполеоновской дипломатии удалось толкнуть Турцию на войну против России. Стремясь обеспечить себя со стороны Сербии, турецкое правительство согласилось продолжить переговоры с повстанцами. В августе 1806 г. сербские повстанцы направили в Константинополь депутацию для заключения мира с Турцией. Переговоры прошли успешно и были подписаны предварительные условия мира. Но начавшаяся в декабре 1806 г. русско-турецкая война в корне изменила обстановку. Сербия отказалась от мира с Турцией и, вступив в союз с Россией, стремилась с ее помощью добиться полной независимости.

За годы русско-турецкой войны между Россией и Сербией были установлены тесные связи. В ходе боевых действий русские и сербские войска сражались плечом к плечу против общего врага. Из России в Сербию был направлен дипломатический представитель. Сербскому народу была оказана значительная материальная помощь (оружием, боеприпасами, деньгами). Боевое сотрудничество русского и сербского народов в эти годы заложило прочную основу дружбы двух братских славянских народов.

В войне 1806—1812 гг. Турция потерпела поражение. В мирный договор, подписанный в Бухаресте в мае 1812 г. главнокомандующим Дунайской армией М. И. Кутузовым, была внесена специальная статья (VIII), согласно которой Турция обязывалась предоставить сербскому народу автономные права. Однако, пользуясь занятостью России в борьбе против Наполеона, Турция нарушила Бухарестский мир и в 1813 г. напала на Сербию. Сербские войска были разгромлены. Восстание было подавлено.

На протяжении почти десяти лет сербский народ жил самостоятельной государственной жизнью. Власть угнетателей-турок была ликвидирована, и в своеобразных условиях национально-освободительной войны были заложены основы национального Сербского государства. В 1805 г. был создан «Правительствующий совет народный сербский», который являлся высшим административным органом в повстанческой Сербии и состоял из 12 членов (представителей 12 округов). В каждом округе были созданы магистраты (суды), осуществлявшие также административные функции и подчиненные Совету. Наряду с гражданской властью важную роль в Сербии играли воеводы, подчиненные «Верховному вождю народа сербского» Карагеоргию.

¹³ Вук Караджич указывает, что к концу 1804 г. в «10 восставших нациях турки оставались только в Белграде, Смедереве и Шабаце». — В у к С т е ф. К а р а д ж и ћ. Први и други српски устаник. Београд, 1947, стр. 103.

¹⁴ Г у р г у р Ј а к ш и ћ. Борба за слободу Србије 1788—1816. Београд [б. т.], стр. 17.

В ходе восстания в результате ликвидации власти турецких феодалов в Сербии произошли глубокие социально-экономические изменения, важнейшим из которых явилось разрешение аграрного вопроса.

* * *

С самого начала восстания его главный удар был направлен против читлук-сахибиев, гнет которых вызывал особую ненависть сербов. Восставшие уничтожали субашей — приказчиков читлук-сахибиев, жгли их резиденции (ханы). В письме туркам в Лешницу в 1804 г. повстанцы писали: «Мы поднялись против гнета, т. е. против читлук-сахибиев и субашей»¹⁵.

Главными источниками для выяснения вопроса о том, как развивалась борьба сербского крестьянства против турецких феодалов, являются требования, направленные ими султану в 1804 и 1805 гг., и условия, на которых был заключен мир между повстанческой Сербией и Портой в 1806 г.

В мае 1804 г. дахии при посредничестве австрийских пограничных властей попытались примириться с повстанцами. Переговоры не дали положительных результатов, так как ни одна сторона не хотела пойти на уступки. Повстанцы настаивали на предоставлении Сербии автономных прав в соответствии с фирманом 1793 г., дахии же предлагали восстановить мир, обещая лишь прекратить злоупотребления¹⁶. В ходе переговоров повстанцы выдвинули свои требования (состоявшие из 9 пунктов)¹⁷. После провала переговоров эти требования были направлены султану в Константинополь.

Важное значение в требованиях повстанцев имели те положения, в которых подчеркивалась необходимость уничтожения читлукской системы и реакционного режима дахийев. «Указанные четверо дахийев,— говорилось в первом пункте требований повстанцев,— а именно: Мехмет Фоч-оглу, Кучук-али, Аганли-барьяктар, мусса из Шабаца Юсуф Хаджиклимент-оглу да будут изгнаны из Белграда и впредь да не будет других дахийев и да не слышится более названия чифлик...»¹⁸. Приведенное выше требование 1804 г. отражало интересы сербского крестьянства, выступившего прежде всего против читлук-сахибиев, как носителей наиболее тяжелой формы феодальной эксплуатации. Оно свидетельствовало о том, что в самом начале восстания (1804) повстанцы еще не ставили перед собой задачи полной ликвидации зависимости сербских крестьян от турецких феодалов. В пункте 4 сербские повстанцы соглашались платить «в султанскую казну и каждому визирю, кто бы он ни был, и спахиям, и воеводам, и кадиям»¹⁹. Однако в условиях вооруженной борьбы сербы прекратили отправление повинностей в пользу спахийев впредь до решения этого вопроса султанским фирманом.

Борьба сербских повстанцев в 1804 г. против читлук-сахибиев была успешной. Фактически в Сербии была ликвидирована читлукская система, а субаши и читлук-сахибии были истреблены или изгнаны из страны.

Успех повстанцев нашел свое дальнейшее отражение и в тех требованиях, которые были направлены султану скушциной, состоявшейся 17 апреля 1805 г. в Печанах²⁰. Хотя эти требования во многом совпадают с требованиями 1804 г., однако в ряде моментов они имеют существенные различия, отражающие реальные изменения, происшедшие в социально-экономических отношениях в Сербии на протяжении первого года восстания.

¹⁵ Вук Стеф. Караџић. Скупљени историски и етнографски списи, књ. I. Београд, 1898, стр. 27.

¹⁶ О переговорах в Земуже 10 мая 1804 г. см. в кн.: Н. Попов. Россия и Сербия, т. 1. М., 1869, стр. 21—22.

¹⁷ Эти требования сербских повстанцев были опубликованы в периодическом издании «Летопис Матице српске» и в первом издании «Мемуаров» Матвея Ненадовича под заголовком: «Требования, которые сербы в Царьград послали, а после и Бекирупапе в Белграде вручили в мае 1804 г.»— «Летопис Матице српске», т. 94, стр. 118—120; М. Ненадович. Мемоари. Београд, 1867, стр. 288—290.

¹⁸ «Летопис Матице српске», т. 94, стр. 118.

¹⁹ Там же, стр. 119.

²⁰ «Готубица съ цветомъ княжества ербскогъ», т. V. 1843—1844. стр. 277—285.

Важно отметить, что в требованиях 1805 г. отсутствует всякое упоминание о читлуках. Этот факт можно, по-видимому, объяснить тем, что вопрос о читлуках фактически был решен уже в первый год восстания. Поэтому руководство восстанием не находило нужным больше возвращаться к этому вопросу, считая его окончательно решенным. Требования 1805 г. уже по-новому ставят вопрос о спахийском землевладении. Если в требованиях 1804 г. восставшие определяли взаимоотношения со спахиями на основе фирмана 1793 г. и обязывались нести в пользу спахиев повинности, установленные этим фирманом, то в требованиях 1805 г. они уже добились включения спахийских доходов в общую сумму дани, которую Сербия будет уплачивать султану. Мотивируя это требование стремлением обезопасить себя от возможных злоупотреблений со стороны спахиев, повстанцы по существу требовали ликвидации спахийского землевладения путем замены всех повинностей (денежных, натуральных и отработочных) денежным налогом, который должен был входить в состав дани, уплачиваемой турецкому султану.

Добиваясь предоставления Сербии автономии в области внутреннего управления, повстанцы просили прислать в Сербию не пашу, а финансового чиновника — мухасила, подчеркивая тем самым, что вассальная зависимость Сербии от Турции будет ограничиваться уплатой денежной дани. Поэтому в требованиях 1805 г. более подробно разработаны положения о внутреннем самоуправлении — о правах и обязанностях верховного кнеза и нахийских кнезов.

Сравнение этих двух документов свидетельствует о том, что на протяжении первого года восстания в Сербии произошли значительные изменения, важнейшим из которых была ликвидация читлукских отношений. Вместе с этим происходит сокращение, а потом (начиная с 1805 г.) и полное прекращение отправления повинностей по отношению к спахиям.

В 1806 г. в Константинополь для переговоров с Турцией была направлена депутация во главе с Петром Ичко (Ичкоглу). В результате переговоров был выработан предварительный текст фирмана, которым определялись условия мира и последующий статус Сербии («Ичков мир») ²¹. Рассмотрение этого текста показывает, что сербским депутатам не удалось добиться от турецкого правительства удовлетворения ряда важнейших требований, выдвинутых в 1805 г. Согласно предварительному тексту фирмана, спахийское землевладение в Сербии сохранялось и сербские крестьяне должны были нести повинности в пользу спахиев, но турецким феодалам разрешалось проживать только в Белграде без права выезда в принадлежащие им деревни. Турецкое правительство отвергло также требование повстанцев о посылке в Сербию одного мухасила в качестве уполномоченного султана. По условиям мира турецкие власти назначали в Сербию пашу, которому разрешалось иметь при себе небольшой отряд войск (300 человек).

Таким образом, по сравнению с требованиями 1805 г. в предварительных условиях «Ичкова мира» сделано известное отступление в вопросе о спахийском землевладении, и в этом отношении прошение 1805 г. является более радикальным и более полно отражает интересы сербского крестьянства.

Как видно из условий «Ичкова мира», к концу 1806 г. аграрный вопрос не был окончательно разрешен. По условиям мира за спахиями сохранялись их феодальные права на получение ренты с сербских крестьян. Такое решение вопроса не могло удовлетворить крестьян. Изменение международной обстановки в конце 1806 — начале 1807 г. позволило сербским повстанцам добиться решения этого вопроса уже иным путем и в иных условиях.

В декабре 1806 г., разорвав отношения с Турцией, Сербия вступила в союз с Россией. Перед ней открылась перспектива полного освобождения от турецкого ига. Идя на союз с Россией, сербские повстанцы стремились закрепить те социально-экономические завоевания, которых они добились в ходе предшествовавшей трехлетней борьбы. В заключенной в июле 1807 г. конвенции между Карагеоргием и эмиссаром Александра I маркизом Паулучи был записан следующий пункт: «Вручающий себя народ Сербский под покровительство и защиту его императорского величества ожидает все нужные необходимости и препоручает навсегда, что-

²¹ Ст. И. Новакович. Мир Петра Ичко. СПб., 1903, стр. 75—77.

бы никогда в Сербии не могла быть ни малейшая часть земли никому отдана: сиречь, чтобы помещика никакого не было, и средством такового чтобы никто под рабство не подпадал»²².

Время заключения указанной конвенции совпадает с завершением первого этапа восстания с точки зрения решения главного социально-экономического вопроса сербского восстания — аграрного вопроса. На этом этапе восстания основным противоречием являлось противоречие между сербским крестьянством и турецкими феодалами.

В итоге первого этапа восстания крестьянство освободилось от всех повинностей, которые оно несло в пользу султана и турецких феодалов. Крестьянин стал полным собственником своей земли. Он мог продать ее, передать по наследству и т. д. В этом заключался важнейший итог Первого сербского восстания.

* * *

Прежде чем перейти к анализу второго этапа восстания, рассмотрим вопрос о том, кто стоял во главе восставшего сербского народа.

Накануне восстания в Сербии уже имелась значительная прослойка сельской и торговой буржуазии. С ней были тесно связаны представители сербского самоуправления — кнезы, кметы и т. д., которые, как правило, рекрутировались из рядов наиболее богатых крестьян и все более втягивались в торговлю. Эта формирующаяся национальная буржуазия и встала во главе восстания.

Турецкая феодальная система сильно задерживала развитие капиталистических отношений в Сербии. Она являлась серьезным препятствием на пути поднимающейся сербской буржуазии. «Турецкое, как и всякое другое восточное владычество,— писал Ф. Энгельс,— несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»²³. Эта мысль Энгельса блестяще подтверждается многочисленными фактами из сербской действительности²⁴.

В условиях господствовавшего в Сербии жестокого национального гнета сербский купец или кнез был по существу так же бесправен, как и любой крестьянин. Их собственность и даже жизнь была полностью во власти турецких пашей, янычарских начальников, судей, муселимов и прочих представителей турецкой власти. Вступив на путь борьбы против турецкой военно-феодальной системы, за национальную автономию, сербская буржуазия выдвинула требование обеспечения свободы торговли для купцов-сербов. «Райе,— говорилось в седьмом пункте требований 1804 г.,— должно быть предоставлено право самовластно продавать любой свой товар каждому, кто даст большую и лучшую цену; и пусть купцы свободно передвигаются по нахиям и торгуют, как и прежде»²⁵.

Это требование повстанцев выражало прежде всего интересы торговой буржуазии. Оно свидетельствовало о том, что сербская сельская и торговая буржуазия с самого начала восстания стремилась добиться свободы торговли и ликвидации всех препятствий, которые ставила на ее пути турецкая система. Требования сербской

²² См. Н. Ф. Дубровин. Сербский вопрос в царствование императора Александра I.— «Русский вестник», т. 46, июль 1863 г., стр. 120.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 22.

²⁴ В воспоминаниях участника восстания Гаи Пантелича рассказывается о том, как купец Младен Милованович объяснял причины, побудившие его принять участие в готовящемся восстании: «У меня есть бурунгии (разрешения на торговлю.— В. З.) от визирия и от янычарских начальников, но когда я прохожу со свиньями через Тополу, то должен дать Ибрагиму (приказчику дахив в Тополе.— В. З.) 1 дукат; приду в Рогачу — и здесь 1 дукат; на Бараево — и здесь 1 дукат; на Губеревац — опять 1 дукат; на Моштаницу — опять 1 дукат; и куда только ни приду на постоянный двор, должен отдать по дукату». — «Грађа за историју Првог српског устанка». Београд, 1954, стр. 27.

²⁵ М. Ненадовић. Мемоари, стр. 289. Перед восстанием турки забирали у сербских крестьян их товары по произвольным ценам, а сербским купцам не давали разрешений на торговлю. См. «Списи бечких архива о Првом српском устанку» (далее — СБА). Београд — Суботица, 1935—1939, т. I, № 24, 401.

буржуазии получили свое дальнейшее развитие в прошении султану, принятом на скупщине в Печанах в 1805 г., в котором она добивалась свободы торговли и предпринимательства. И сербское крестьянство, и зарождающаяся буржуазия, при наличии у каждого из них особых классовых интересов, имели перед собой одного общего классового врага — турецких феодалов, против которых они выступили с оружием в руках.

На протяжении первого этапа восстания (1804 — первая половина 1807 г.) внутри сербского общества не было глубоких антагонистических противоречий. Торговая буржуазия, кнезы, крестьянство и городские ремесленники — все были заинтересованы в ликвидации турецкого гнета, задерживавшего развитие производительных сил страны. Этим и объясняется всенародный, массовый характер восстания.

На первом этапе восстания основным классовым противоречием было противоречие между сербским крестьянством и турецкими феодалами (читлук-сахибиями и спахиями). В этот период сербское крестьянство, являвшееся главной движущей силой восстания, выступило в союзе со своей буржуазией, возглавившей руководство восстанием против турецких феодалов (сначала против читлук-сахибиев, а затем и против спахиев).

Однако на втором этапе восстания (вторая половина 1807 г. — 1813 г.), в результате ликвидации власти турецких феодалов и освобождения страны от чужеземного гнета, интересы различных классов сербского общества пришли в столкновение. Именно эти годы наполнены острой внутренней борьбой между сербским крестьянством и окрепшей в ходе восстания сельской буржуазией, стремившейся занять место изгнанных чужеземных эксплуататоров. Изучение этой борьбы позволяет восполнить некоторые пробелы в истории Первого сербского восстания и глубже вскрыть внутренние причины его поражения в 1813 г.

Ликвидация турецкого феодального землевладения оказала огромное влияние на взаимоотношения между различными классами сербского общества. Если на первом этапе восстания сербские повстанцы формально признавали зависимость Сербии от Турции, то на втором этапе они порвали всякую связь с Портой. Сербия выступила как самостоятельное государство, находившееся под покровительством России. В ходе вооруженной борьбы зародился и постепенно укреплялся государственный аппарат сербского государства, к руководству в котором пришла молодая сербская буржуазия.

Рассказывая о том, кто встал во главе восстания, протоиерей Матвей Ненадович писал: «Вам следует знать также и то, что в самом первом восстании против турок, в феврале 1804 года, все старейшины и булюкбашы вышли из рядов самых зажиточных сербов: или это был кнез, или купец, или пон, или кмет, или просто богатый крестьянин, имевший хорошую баштицу, задругу, достаточное количество скота, водяные мельницы и другие доходы, — словом, такой, каких мы зовем хозяевами»²⁶. Это описание отражает реальную обстановку в Сербии в начале восстания. Чтобы стать начальником войска, надо было иметь значительные средства: на содержание отряда момков (нечто вроде личной гвардии), на закушку оружия и боеприпасов и т. д. Это могли сделать только люди действительно зажиточные. Но руководящее положение в сербском повстанческом войске и государственном аппарате, который постепенно стал складываться по мере ликвидации турецкой машины угнетения, со своей стороны, в тех условиях становилось источником обогащения. Поэтому купцы, кнезы и другие представители нарождающейся буржуазии, став старейшинами (начальниками), получили широкие возможности для личного обогащения. Так, например, Младен Милованович, имевший и до восстания солидное состояние, стал богатейшим человеком в Сербии. Это богатство Милованович приобрел благодаря тому, что во вновь созданном сербском государстве он занимал руководящее положение (был комендантом Белграда, председателем Правительствующего совета,

²⁶ М. Ненадович. Мемоари, стр. 311. Кмет — выборный сельский староста; булюкбаша — начальник отряда в 100 человек, обычно подчиненный воеводе или коменданту; задруга — большая патриархальная семья. Позднее название «булюкбаша» было заменено термином «капитан». В дальнейшем термин «воевода» нами употребляется в широком смысле: под ним мы подразумеваем всякого представителя верхушки нового сербского государства, в котором главную роль играли военные руководители.

попечителем военных дел). По австрийским данным, содержание дома Младена Миловановича в Белграде обходилось ему в 800 флорингов в день²⁷. Точно так же поступали и другие крупные руководители восстания. По свидетельству Баталаки, Яков Ненадович захватил все пограничные перевозы на Саве, Петар Добрияд — на Мораве, а Васа Чарашич, Джюша Вуличевич и Миленко Стойкович поделили между собой перевозы на Дунае²⁸.

Уже на первом этапе восстания в Сербии начался процесс экспроприации турецкой феодальной собственности, который, однако, особенно бурно развернулся на втором этапе восстания, т. е. после середины 1807 г. Вот что рассказывает об этом процессе один из руководителей восстания, Матвей Ненадович: «Когда мы изгнали турок из Валева, как в Валева, так и в нахии осталось много турецких водяных мельниц. Мы их сразу поделили: одну водяную мельницу взяли для нашей семьи (так как я, дядя Яков и братья не были выделены); одну отдали Грбовичу; одну Кедичу, одну кнезу Пейе; а все остальные мельницы разделили по одной на 2 булюкбаши на правах ортаклука (совместное владение.— В. З.), и так все держали их с 1804 до 1809 г. без какой бы то ни было платы; а в 1809 г. правительство распродало в числе прочей турецкой собственности и водяные мельницы; но мы оплатили каждый свою мельницу и внесли деньги в кассу народную»²⁹.

Из приведенного высказывания Ненадовича видно, что сербы начали захватывать турецкую недвижимую собственность уже в 1804 г. Но особенно широко экспроприация турецкой феодальной собственности развернулась только на втором этапе восстания.

В 1807 г. Правительствующий совет издал распоряжение о продаже турецких домов и мельков (земельных участков на правах полной собственности). О распродаже турецких имуществ австрийские пограничные власти сообщали в декабре 1807 г.: «Для лучшего пополнения указанной выше кассы (кассы Правительствующего совета.— В. З.) должны быть проданы с аукциона все дома, постройки и земельные участки как в Белграде, так и в других наиболее значительных населенных пунктах, которые раньше принадлежали туркам и турецким евреям; однако покупать их в течение 3 месяцев имеют право только урожденные сербы, иностранцам же не разрешено. По прошествии же указанного срока покупка может быть разрешена каждому, давшему большую цену, кто бы он ни был»³⁰.

Сообщения М. Ненадовича и Баталаки свидетельствуют о том, что часть турецкой собственности в городах и сельской местности к началу распродажи уже имела своих сербских владельцев. Таким образом, проводимые Правительствующим советом аукционы имели цель взыскать в пользу сербского государства с новых владельцев стоимость захваченной ими собственности. Деньги, вырученные от продажи, поступали в кассу Правительствующего совета и предназначались на покрытие долгов за купленное вооружение и на другие военные нужды.

Захваты турецкой собственности происходили по всей стране. Наибольшие возможности для этого имели руководители восстания с Карагеоргием и членами Правительствующего совета во главе. Так, члены Совета Младен Милованович и Милое Петрович захватили много земли и другой собственности. В. Караджич сообщал, что Милованович и Петрович после захвата повстанцами Белграда «стали самыми богатыми людьми в Сербии..., они захватили в Белграде самые лучшие дома, лавки и склады, а около Белграда пашины и луга; перевозы и таможни в Белграде и Остружнице никто, кроме них, не имел права брать на оккуп, а также никто не мог вести какую-либо крупную торговлю, в которой они не принимали бы участия»³¹. Большая часть воевод занималась торговлей, причем их привилегированное положение давало им огромные преимущества перед купцами, не входившими в состав руководства восстанием³².

²⁷ СБА, т. V, № 611.

²⁸ Лазар Арсенијевић-Баталака. Историја Српског устања. књ. I. Београд, 1898, стр. 185—186.

²⁹ М. Ненадович. Мемоари, стр. 334.

³⁰ СБА, т. IV, № 743.

³¹ В. Караџић. Скупљени историски и етнографски списи. књ. I, стр. 254—255.

³² Д. Јанковић. Правительствующи совет.— «Историски гласник», 1954, № 1—2, стр. 77.

Итак, богатство открывало путь к руководству восстанием. Участие в руководстве, в свою очередь, способствовало дальнейшему экономическому усилению господствующей верхушки.

Какие же аграрные отношения сложились в Сербии в годы восстания, особенно на втором его этапе? Что принесло сербским крестьянам освобождение от власти турецкого феодального класса?

В условиях турецкой феодальной системы сербское крестьянство вынуждено было выполнять тяжелые феодальные повинности. Оно выплачивало натуральную и денежную ренту в виде различных налогов и пошлин³³, а также несло отработочную повинность (кулук). Кроме того, известные феодальные повинности крестьянство выполняло и по отношению к православной церкви (налог в пользу митрополита и епископов — «владичанска димница»; крестьяне, жившие на монастырских землях, несли тяжелые повинности в пользу монастырей).

Ликвидация турецкого господства повлекла за собой прекращение повинностей по отношению к турецким феодалам и государству. Уже с 1805 г. прекратились все выплаты турецкому государству и повинности спахиям. С этого времени в течение всего восстания сербский народ обязан был нести повинности по отношению к возникшему сербскому государству.

В период восстания население Сербии обязано было платить денежные и натуральные налоги и нести отработочную повинность (кулук). Денежный налог (порез) не был постоянным. За годы восстания он собирался всего четыре раза³⁴. В конце восстания (после январской скупщины 1811 г.) были установлены еще местные сборы — «нахийский прирез», «оштинский прирез», налог в пользу церкви и др. Натуральный налог уплачивался в виде десятой доли от зерновых культур и вина (десетак и вински десетак, или винарич) и 20-й головы от всех видов продуктивного скота (овцы, козы, свиньи и крупный рогатый скот)³⁵.

Денежный налог не был особенно обременительным. Он собирался в размере 1,5 млн. грошей из расчета в среднем по 10 грошей на налогоплательщика. При этом налогоплательщики в зависимости от имущественного состояния делились на категории, из которых низшая (малоимущее население) платила всего несколько пар, а зажиточные — значительно больше средней суммы в 10 грошей³⁶. Десятину зерном и двадцатую часть скота собирали власти, а десятину вином отдавалась на откуп, причем откупщиками обычно были воеводы.

В источниках почти нет указаний на недовольство населения денежным и натуральными налогами. Совершенно иначе обстоит дело с кулуком. Именно вокруг отработочной повинности (кулук) в годы восстания разгорелась острая социальная борьба. Кулук существовал в годы турецкого господства в различных формах — обработка полей феодала (беглук), уборка урожая и сена, заготовка дров, доставка продуктов, дров, сена и т. д.³⁷. Очень тяжелой была повинность по строительству и ремонту дорог, возведению турецких крепостей (султанский кулук). В Сербии в силу особенностей спахийского поместья, не имевшего, как правило, собственной запашки, беглук не получил распространения. Лишь с развитием читлукских отношений и особенно во времена дахийского режима беглук стал быстро распространяться. Но этот процесс был прерван восстанием.

³³ Помимо натуральной ренты и многочисленных повинностей в пользу спахиев, сербские крестьяне платили налоги султану — харач (личный налог), порез (налог с супружеской пары), чибук (налог на скот) и др. С развитием читлукских отношений прибавились еще повинности и налоги в пользу читлук-сахибиев. Совершенно не поддаются учету глобы (штрафы), которыми произвольно облагали райо турецкие власти и феодалы.

³⁴ «Гласник», т. III, стр. 180—182; Митга Петровић. Финансије и установе обновљене Србије, књ. I, стр. 74, 98.

³⁵ М. Петровић. Финансије и установе обновљене Србије, књ. I, стр. 103—104. Местные налоги и сборы шли на нужды общин и округов.

³⁶ Там же, стр. 98; 1 грош (диастр) равнялся 40 парам.

³⁷ Нельзя согласиться с авторами «Сербско-хорватско-словенской энциклопедии», определяющими кулук как «народный обычай». — Ст. Станојевић. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, т. II (Кулук).

В годы восстания кулук сохранился, но, разумеется, в несколько измененных формах. Почти на протяжении всего восстания (до 1811 г.) должностные лица (члены Совета, воеводы, капитаны, булюкбашы, кнезы, кметы и др.) не получали жалованья. Вместо этого за ними закреплялась какая-либо деревня, жители которой должны были обрабатывать земли должностных лиц, а также поставлять им продукты, которые данная деревня сдавала в счет десятины. Такая деревня, как правило, освобождалась от воинской повинности. Этот вид кулука (получивший позднее, в годы правления Милоша Обреновича, название «старейшинского», или «чиновничьего») ³⁸ был очень широко распространен в Сербии в годы Первого восстания. «И Карагеоргий, и все старейшины без изъятия пользовались кулуком в своем сельском хозяйстве», — отмечал Баталака ³⁹. «Воеводы, — сообщал Йован Гаврилович, — с помощью кулука обрабатывали свои собственные и захваченные турецкие земли. Точно так же содержали себя и служившие под начальством воевод капитаны» ⁴⁰.

Выше мы указывали, что именно руководители восстания захватили больше всего турецкой собственности, в том числе и земли. Чтобы обработать захваченные земли, воеводы и старейшины, используя свое положение, широко пользовались кулуком. Поэтому они были заинтересованы в сохранении ряда феодальных институтов (кулук, откупа). Более того, среди значительной части их была очень сильна тенденция к тому, чтобы занять место изгнанных турецких феодалов. Однако борьба сербских крестьян против феодальных остатков мешала воеводам превратиться в сербских помещиков.

Главным источником, освещающим внутреннюю обстановку в Сербии в последние годы восстания (1812—1813 гг.), являются «Протоколы шисем Карагеоргия» ⁴¹. Материалы «Протоколов» свидетельствуют о том, что в последние годы восстания среди воевод и прочих «старейшин» наблюдалась определенная тенденция к расширению своих земельных владений, а поскольку турецкая собственность к тому времени была уже распределена, то это расширение могло осуществиться лишь за счет захвата земли у крестьян. Уже первые записи «Протоколов» показывают, что некоторые воеводы-старейшины усиливают нажим на крестьян, стремятся захватить принадлежавшие им земли.

29 мая 1812 г. Карагеоргий писал воеводе Джюке Протичу в Гучу, «чтобы он не отнимал нивы у монахов и у жителей деревни Карадаглия, которые держат их испокон веков». В записи от 22 июня говорилось, что протопопу Милутину Иличу послано письмо, в котором ему предписывалось возвратить Спасою Яковлевичу из Капиц все нивы, которые он у него отнял, луг и водяную мельницу и не притеснять его ⁴².

29 июня Карагеоргий сообщал Правительствующему совету о необходимости принятия мер против воеводы Ристо Исайловича, который отнял луг у бедноты, а 8 июля потребовал от Ристо и воеводы Нешко, чтобы они прекратили захват лугов у бедноты и возвратили луга Цветко из Биволя, который косил их на протяжении четырех лет ⁴³.

Из приведенных записей видно, что воеводы отнимали у крестьян пахотные земли (нивы), луга, водяные мельницы, продавали их другим лицам и т. д. Нередко они захватывали даже те земельные участки, которые находились в пользовании у крестьян еще задолго до восстания.

14 октября 1812 г. Карагеоргий запретил воеводе Илию Барьяктаревичу отнимать у жителей деревни Криви Вир пастбище, если старые люди не подтвердят, что оно принадлежит Илию ⁴⁴. Этот случай свидетельствует о том, что воеводы посягали на общинные угодья, принадлежавшие отдельным деревням.

³⁸ См. М. Петровић. Финансије и установе обновљене Србије, књ. I, стр. 215.

³⁹ Лазар Арсенијевић-Баталака. Историја Српског устанка, књ. I, стр. 375.

⁴⁰ «Гласник», т. III, стр. 184.

⁴¹ Деловодный протоколъ одъ 1812 маія 21 до 1813 августа 5. Караѣорѣя Петровића (далее — Деловодный протокол). Београд, 1848.

⁴² Деловодный протокол, № 622, № 759.

⁴³ Там же, № 793, № 837.

⁴⁴ Там же, № 995.

Однако воеводы часто не обращали внимания на предупреждения или запреты Карагеоргия. Произвольные захваты земель у крестьян воеводами Протичем и Бошкочачем вызвали в апреле 1813 г. серьезное недовольство народа в области Драгачево. В связи с этим Карагеоргий приказал им возвратить все захваченные земли. «А воеводы драгачевские пусть возвратят людям все баштины, которые они у них отняли, и ни до чего не касаются и лишь держат свою старую отцовскую землю». Из последующего распоряжения Карагеоргия видно, что драгачевские воеводы захватили много бывших турецких земель⁴⁵. Но их аппетиты были настолько велики, что они начали расширять свои владения за счет земли сербских крестьян. Записи из «Протоколов писем Карагеоргия» и «Протоколов Шабацкого магистрата» показывают, что в последние годы восстания споры о земле были очень частыми. Все это вызывало серьезное недовольство со стороны крестьян и было одной из причин волнений, направленных против воевод, в отдельных областях Сербии.

Сербское крестьянство вело активную борьбу против сохранения остатков феодальных отношений, препятствуя стремлениям воевод превратиться в сербских помещиков. В заключение мы попытаемся осветить именно эту борьбу, которая особенно обострилась в последние годы восстания.

Источники показывают, что в годы Первого восстания были очень часты жалобы крестьян на гнет и притеснения со стороны воевод и других начальников. Так, Вук Караджич сообщил, что в Пожаревацкой нахии народ возмущался тем, что старейшины согнали крестьян с их земли⁴⁶. В апреле 1808 г. австрийский чиновник граф Майлат рассказал о следующем эпизоде. Шабацкий воевода поп Лука Лазаревич самовластно правил в Шабаце и угнетал народ. К Карагеоргию с жалобой на него явилось 100 человек. Однако Карагеоргий приказал вслышать каждому по 30 шалок, «ибо, как сказал он, сам факт, что было 100 жалобщиков, является признаком восстания». После проведенной экзекуции Карагеоргий задержал троих, вызвал Луку Лазаревича и жалобщики при нем рассказали о всех его деяниях. Карагеоргий в гневе грозил повесить Луку Лазаревича, но помиловал его по просьбе Правительствующего совета. В начале мая в трех нахиях — Шабацкой, Ужицкой и Крагуевацкой — народ отказывался нести натуральные повинности, которых требовали от него воеводы⁴⁷.

6 июля 1808 г. австрийские агенты сообщали, что в Белграде простой народ выражал резкое возмущение воеводами. Несколько позднее австрийский агент писал, что «простой народ очень недоволен и едва выносит притеснения предводителей»⁴⁸.

Деятельность Младена Миловановича (а также его друга и компаньона по торговле Милое Петровича) неоднократно вызывала недовольство народа. Так, жители Белграда, — сообщил В. Караджич, — летом 1811 года подняли шротинг негонающее восстание... Причиной этого восстания было сначала то, что на военные занятия гоняли и старых людей, а потом возобновились кулак и остальные несправедливости Младена и Милое»⁴⁹. Упоминание Караджича о восстании против Миловановича является очень важным свидетельством внутреннего раскола в сербском обществе, раскола гораздо более серьезного, чем ссоры между отдельными воеводами или группировками воевод, на которые, главным образом, и обращали свое внимание историки Первого сербского восстания.

Показание источников очень отрывочны и скудны. Ведь основные документы — архивы Правительствующего совета и Карагеоргия — были уничтожены последним перед бегством в Австрию в 1813 г. Но имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что после ликвидации в Сербии турецкого феодального землевладения противоречия между сербским крестьянством и руководящей верхушкой восстания обострились. Крестьянство не оставалось пассивным и выступило на борьбу против остатков феодализма, и в первую очередь против кулака. Именно в результате этой борьбы крестьян новое сербское государство было вынуждено

⁴⁵ Деловодный протокол, № 1368, 1427.

⁴⁶ Вук Стеф. Караџић. Скупљени историски и етнографски списи, стр. 99.

⁴⁷ СБА, т. V, № 343, 418.

⁴⁸ СБА, т. V, № 600, 761.

⁴⁹ Вук Стеф. Караџић. Скупљени историски и етнографски списи, стр. 74.

в законодательном порядке запретить кулук в пользу воевод. В сборнике законоположений, принятых в повстанческой Сербии в конце восстания⁵⁰ и дошедших до нас в неполном виде, имеется статья (32-я), запрещающая должностным лицам пользоваться бесплатным трудом крестьян (кулуком). «Старейшинам любого ранга,— говорится в этой статье,— служителям народа будут определены соответствующие плата и довольствие, а пользоваться кулуком ни для каких своих работ никто не может, и народу не разрешается нести кулук кому-либо; лишь то, что касается народной службы, что делается для всей общины, то и должно быть, как-то: беглуком косить сено для солдатских (бечарских) коней, т. е. за общее войско, и из этого общего фонда (беглука) будет определено и содержание старейшинам — как питание, так и сено, а тот старейшина, который хочет проводить в своем хозяйстве какие-нибудь работы, пусть платит и пусть на него работает»⁵¹.

Заключительная часть 32-й статьи провозглашает, таким образом, принцип «вольного найма» рабочей силы в сельском хозяйстве. Этот факт имел несомненно большое значение в борьбе сербского крестьянства против всех остатков феодальных отношений в деревне, за последовательное разрешение аграрного вопроса.

На наш взгляд, законодательная отмена кулука в пользу воевод и прочих «старейшин народных» явилась результатом ожесточенной борьбы крестьян против попыток воевод использовать остатки феодализма в сербской деревне как средства эксплуатации крестьян. Победа эта была, однако, в значительной степени номинальной. На деле многие воеводы, капитаны и другие руководители восстания и после принятия «Законника» не придерживались предписанных правил относительно кулука. «Протоколы писем Карагеоргия» (1812—1813 гг.) показывают, что «старейшины» продолжали широко пользоваться кулуком⁵². Да и Карагеоргий, хотя и издавал указы и распоряжения, запрещающие кулук, сам пользовался им в очень широких масштабах.

На протяжении последних двух лет Первого восстания происходят весьма частые волнения крестьян в повстанческой Сербии. Так, о серьезном выступлении крестьян, имевшем место в Белградской нахии в марте 1812 г., рассказывается в письме почечителя военных дел Младена Миловича Матвею Ненадовичу, который в то время командовал сербскими войсками на западной границе⁵³.

В конце мая 1812 г. в Ужицкой нахии вспыхнули крестьянские волнения. Крестьяне отказывались платить налогов больше, чем по 4 гроша с человека. Волнения в Ужицкой нахии возобновились в марте — апреле 1813 г. Причиной этих волнений были злоупотребления воеводы Раки Леваца, который незаконно отбирал собственность у подвластных ему крестьян⁵⁴. Рака Левац был смещен с должности, но волнения среди населения Ужицкого края продолжались. В июле 1813 г. крестьяне выступили против воеводы Николы Карамарковича, который захватывал их собственность, облагал незаконными штрафами, обременял барщиной. Волнение было настолько сильным, что «буитовщики», как называет их источник, подняли оружие против своего воеводы⁵⁵.

⁵⁰ Этот сборник известен в литературе под названием «Законника Карагеоргия». В литературе до сих пор еще нет единого мнения о дате его возникновения. М. Джорджевич считает, что этот закон принят до 1808 г. Мы склонны принять дату Новаковича (после 1810 г.), а точнее — отнести его ко времени скупщины, состоявшейся в январе 1811 г., когда воеводам и прочим должностным лицам была установлена плата. Подробный обзор текстов «Законника» и реконструированный текст см. в статье: Александр Соловьев. О Караџеџевом законнику.— «Архив за правне и друштвене науке», т. XXIV (XLI), 1932.

⁵¹ Там же, стр. 381. Здесь «беглук» употребляется в смысле «казна», «общий фонд».

⁵² Стремление отдельных воевод пользоваться бесплатным трудом крестьян было настолько сильным, что они делали это нередко даже в ущерб обороне страны. Так, статья 33 «Законника Карагеоргия» назначает суровое наказание тому воеводе, который осмелится освободить одно или несколько сел от военной службы «за кулука себе» (т. е. с целью использования труда крестьян в своем личном хозяйстве).— Александр Соловьев. О Караџеџевом законнику, стр. 381.

⁵³ Прота Матија Ненадовић. Мемоари. Београд, 1867, стр. 327.

⁵⁴ Деловодный протокол, № 607, 625, 1238, 1244, 1292.

⁵⁵ Там же, № 1426, 1590, 1694—1696.

Осенью 1812 г. имели место волнения в округе Црна Река, а в мае — июне 1813 г. — в Сокольской и Рудникской нахиях⁵⁶.

В кратких записях «Протоколов писем Карагеоргия» не всегда указаны причины крестьянских волнений, имевших место в последние годы Первого сербского восстания. Однако уже сами по себе эти волнения свидетельствовали о резких противоречиях между крестьянством и воеводами. Эти противоречия и составляли главное содержание внутренней борьбы в Сербии на втором этапе восстания.

Первое сербское восстание не привело к освобождению Сербии от турецкого ига. В 1813 г. оно было подавлено турецкими войсками. Поражение Первого сербского восстания объясняется рядом причин. Международная обстановка (занятость России войной с Наполеоном) способствовала карательным действиям Турции против Сербии. Обострившаяся борьба между различными группировками внутри господствующего класса существенно ослабляла военные силы восставшей Сербии перед лицом наступления турецких войск. При анализе причин поражения восстания следует иметь в виду также и то обстоятельство, что пришедшая к власти сербская буржуазия в своем стремлении к обогащению пыталась усилить эксплуатацию крестьянства путем сохранения некоторых реакционных институтов турецкого феодализма, что не могло не привести к обострению социальной борьбы в Сербии и ослаблению военных усилий повстанцев.

* * *

Предложенная нами периодизация внутренней истории Первого сербского восстания (разделение на два этапа) исходит из изменений в расстановке классовых сил, происшедших в результате выполнения (к середине 1807 г.) главной задачи антифеодальной революции — ликвидации зависимости сербских крестьян от турецких феодалов. При этом совпадение завершения первого этапа восстания со вступлением восставшей Сербии в военно-политический союз с Россией не является случайным моментом. Как мы видели при анализе предварительных условий мира между повстанцами и Турцией (1806 г.), коренной вопрос восстания — аграрный — не был решен. Союз с Россией позволил сербским повстанцам радикально разрешить этот вопрос, ликвидировать всякую зависимость сербских крестьян от турецких феодалов.

Именно в этом заключается глубокое социально-экономическое значение Первого сербского восстания, в ходе которого сербский крестьянин стал полным собственником своей земли. «Переход земли от помещиков к крестьянам, — указывал В. И. Ленин, — может быть — и везде в Европе был — составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции...»⁵⁷.

Разгром восстания прервал процесс развития сербского государства и привел к временному восстановлению турецкого ига и всех связанных с ним феодальных порядков. Но Первое сербское восстание не прошло бесследно. Оно было крупнейшим событием в истории сербского освободительного движения и во всех отношениях подготовило победу Второго восстания (1815 г.).

Упорная борьба крестьян за последовательное разрешение аграрного вопроса в годы Первого сербского восстания и в последующий период являлась решающей причиной того, что после освобождения от турецкого военно-феодального ига в Сербии постепенно победили новые, капиталистические отношения.

⁵⁶ Деловодный протокол, № 1016, 1017, 1030, 1073, 1484, 1711.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 286.